

- ⁹³ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 95, л. 6, 7.
- ⁹⁴ Правые партии... Т. 1. С. 24.
- ⁹⁵ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 95, л. 8 об.
- ⁹⁶ *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 42–43.
- ⁹⁷ *Королев Ал.* Краткий отчет о деятельности «Кружка русских студентов» за 1905 г. // Мирный труд. 1906. № 2. С. 73.
- ⁹⁸ *Столыпин П.А.* Указ. соч. С. 320, 322.
- ⁹⁹ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 490.
- ¹⁰⁰ *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 207.
- ¹⁰¹ *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 109.
- ¹⁰² *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 211.
- ¹⁰³ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 121, л. 23.
- ¹⁰⁴ Переписка и другие документы правых 1911 года // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 106.
- ¹⁰⁵ Цит. по: *Степанов С.А.* Указ. соч. С. 246.
- ¹⁰⁶ Московские ведомости. 1911. 6 сентября.
- ¹⁰⁷ Переписка и другие документы правых (1911 год) // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 131.
- ¹⁰⁸ Русское знамя. 1911. 8 сентября; *Булацель П.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 100.
- ¹⁰⁹ Русское знамя. 1911. 8 сентября; *Булацель П.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 100.
- ¹¹⁰ Цит. по: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. С. 358.
- ¹¹¹ Цит. по: *Раскин Д.И.* Идеология правого русского радикализма в конце XIX – начале XX вв. // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1. СПб., 1992. С. 28.
- ¹¹² *Иванов А.А.* Указ. соч. С. 110.
- ¹¹³ ГА РФ, ф. 117, оп. 1, д. 648, л. 16.
- ¹¹⁴ Переписка и другие документы правых (1911–1913) // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 99.
- ¹¹⁵ Цит. по: *Кириянов Ю.И.* Правые партии... С. 395.
- ¹¹⁶ *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Кн. 1. Париж, 1928. С. 118.

© 2012 г. Ф. А. ГАЙДА*

ЭВОЛЮЦИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА П.А. СТОЛЫПИНА И ДУМСКОЕ БОЛЬШИНСТВО В 1910–1911 ГОДАХ

В 1906–1907 гг. П.А. Столыпиным была намечена широкая программа реформ. Преобразование административного и полицейского аппарата должно было создать систему, способную воспрепятствовать деятельности революционеров. Однако предотвратить развитие революционного движения в стране могло лишь масштабное реформирование всей русской жизни. Прежде всего оно подразумевало постепенное оформление новой политической культуры, расширение политических и гражданских свобод (печати, собраний и союзов), укрепление представительных учреждений, местного самоуправления и суда, постепенное ослабление стеснений национальных и религиозных меньшинств. Создание третьей июньской октябристской Думы, воплощавшей идею союза общественности и власти, позволяло, по мнению Столыпина, придать этому процессу системный и управляемый характер, содействовать «успокоению» и

* **Гайда Федор Александрович**, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

осуществлению масштабных социально-экономических мероприятий (аграрной реформы, социального обеспечения рабочих, народного образования), от которых зависело будущее России и ее положение великой державы. При этом гарантировать его было невозможно без постоянного повышения обороноспособности, требовавшего реализации военной и военно-морской программ.

Но уже в 1908–1909 гг. проявились программные противоречия столыпинского курса. Попытка сочетать подавление революции и предоставление политических свобод неизбежно вызвала конфликт с правыми, экономические реформы (аграрное и рабочее законодательство) обостряли разногласия как с правыми, так и с октябристами. При распределении средств и определении приоритетных задач нередко возникали столкновения с правыми и министром финансов В.Н. Коковцовым. Уже тогда Столыпин лишился значительной части своих политических союзников, а те, кто продолжал на него ориентироваться, как, например, лидер распадавшейся октябристской партии А.И. Гучков, едва ли могли оказать ему существенную поддержку.

Политические взгляды Столыпина также значительно эволюционировали. Причем это не было связано с давлением правых или конъюнктурными соображениями¹. Правые не имели такой силы, которая дала бы возможность навязать свою волю главе правительства², а прямой характер Петра Аркадьевича, его политическая и человеческая добросовестность не позволяли ему любой ценой держаться за министерский пост³. Сказывались неблагоприятная ситуация в Финляндии, рост напряженности в Европе, пример младотурок, к которым тогда было приковано внимание многих государственных и общественных деятелей России, трудности, возникавшие при подготовке реформ, и т.д. Столыпин отказался от масштабного преобразования местного управления по французскому образцу, предполагавшего увеличение бюрократического аппарата, ограничившись лишь полицейской реформой, разработка которой продолжалась⁴. Создание волостного земства замедлялось в ожидании результатов аграрной реформы, введения местного суда, распространения начального образования.

Преодолеть эти противоречия и затруднения Столыпин рассчитывал с помощью создания националистического движения и проведения националистического курса⁵. Еще в мае 1908 г., выступая в Думе по финляндскому вопросу, он отмечал: «С введением нового строя в России поднялась... реакция русского патриотизма и русского национального чувства, и эта реакция... вьет себе гнездо именно в общественных слоях... В прежние времена одно только правительство имело заботу и обязанность отстаивать исторические и державные приобретения и права России. Теперь не то»⁶. В мае 1910 г. премьер-министр в речи по тому же вопросу выражался еще энергичнее: «При новом строе Россия не разваливается, не расчленяется на части, а крепнет и познает себя»⁷. «После страшной встряски Россия, несомненно, переживает сильный экономический и нравственный подъем», – писал он в сентябре, вернувшись из поездки по Сибири, императору⁸. Впрочем, по его мнению, не следовало поддаваться «ни чувству ложного самолюбия, ни чувству национального шовинизма»⁹. «Можно понимать государство как совокупность отдельных лиц, племен, народностей, соединенных одним общим законодательством, общей администрацией...», – говорил он в Государственном совете 4 марта 1911 г., отстаивая проект создания выборного земства в западных губерниях. – Но можно понимать государство и иначе, можно мыслить государство как силу, как союз, проводящий народные, исторические начала. Такое государство, осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого. Таким целым я почитаю Россию»¹⁰. «Восторжествует ли чувство народной сплоченности, которым так сильны наши соседи на Западе и на Востоке, или народное представительство начнет новую федеративную эру русской истории?» – спрашивал глава правительства депутатов Думы 27 апреля 1911 г.¹¹

Националистический курс, предусматривавший форсирование аграрной реформы, увеличение финансирования органов местного самоуправления и начального образования, повышение обороноспособности и «укрепление западных окраин», окончательно

но оформляется в 1910 г. Если более ранние законопроекты, касавшиеся Финляндии и Холмщины, были связаны скорее с защитой государственных интересов и русского населения на окраинах и борьбой с сепаратизмом, то законопроект о западном земстве, внесенный в Думу в январе 1910 г., стал настоящим знаменем новой политики. В целом, новый правительственный курс был менее масштабным и более прагматичным вариантом прежней политики, предполагавшим некоторое снижение уровня правительственного либерализма.

Для проведения новой политики правительство нуждалось в поддержке думского большинства. Столыпин рассчитывал на установление тесных неформальных контактов с октябристами и более правыми политическими силами. «С политическими деятелями правее кадет я веду дело лично, — писал он, — конечно, могу на них влиять тысячью путями, но делаю это *лично*. Это не всегда легко — партию не закроешь, как газету!»¹². По свидетельству министра торговли и промышленности С.И. Тимашева, желая обеспечить успех своей политики, глава правительства тратил много времени на переговоры и «чашки чаю» с депутатами¹³. Большое значение Столыпин придавал думским слухам, которые получал от своего брата-депутата и А.А. Радкевича, имевшего братьев среди депутатов и сотрудников думской канцелярии¹⁴.

Как вспоминал Коковцов, октябристская III Дума с первого дня была исполнена «патриотическим чувством», и с ней «сразу установились самые тесные отношения». «Все мы чувствовали, что начались иные времена, и можно начать спокойно вести каждому свое дело», — писал он о членах правительства. Хотя октябристы изначально демонстрировали «известную „оппозиционность“...», но в очень умеренных тонах, и было ясно, что «несомненное большинство членов Думы и не помышляет о принципиальной оппозиционности»¹⁵. Тем не менее министры ощущали естественную (статусную) враждебность со стороны Думы. «Как учреждение молодое, она грешила преувеличенным самолюбием», — отмечал С.Д. Сазонов¹⁶. В целом, Государственная дума воспринималась в правительстве как докучливое, но неизбежное обстоятельство, в отношении к ней чувствовалась значительная доля снисходительности и превосходства. Однако практически все высокопоставленные сановники признавали, что она представляет общественное мнение¹⁷.

При этом наиболее реалистичной и прагматичной силой в Думе в правящих кругах почти единодушно считали октябристов. «Союз 17 октября» и прежде всего его думская фракция являлись одним из основных элементов Третьеиюньской системы. Они были необходимы правительству для организации регулярного законодательного процесса, который осложнялся излишней политизированностью и некомпетентностью депутатов¹⁸. Со своей стороны, и октябристы рассматривали парламентскую деятельность как основное направление партийной работы. Закон 3 июня 1907 г. был, по их мнению, несомненным благом: именно после него, как утверждал Гучков в своем докладе на III съезде партии в октябре 1909 г., «наступило общее отрезвление». Суть его заключалась в «ограничении влияния инородцев..., усилении влияния коренного населения, и в том, что к законодательной деятельности призывались элементы, привыкшие к работе в земских и городских самоуправлениях». «Акт 3-го июня был спасением для Г[осударственной] думы», — считал лидер октябристов. «Только благодаря этой реформе избирательного закона представительный строй России пустил глубокие корни, — заявлял Александр Иванович. — И теперь только в безумных головах может родиться мысль о его уничтожении»¹⁹.

Однако октябристы не имели полного контроля над Думой. «Мы никогда не были в Думе большинством, никогда не были хозяевами положения, — говорил Гучков. — Мы всегда были лишь сильным меньшинством». «Могли ли мы опереться на кадетов? — размышлял он вслух на партийном съезде. — В начале третьей Думы у кадетов такой расчет был... Но соглашение не состоялось, и этот вопрос никогда у нас серьезно и не ставился. В кадетских рядах мы признаем наличие элементов, годных для совместной работы, но они сами в партии не имеют никакого веса. Кадетское же ядро, сложившееся в содружестве с революцией и ярко выразившееся во время забастовок

1905 г., наконец, занявшее двусмысленное и колеблющееся положение во время вооруженного восстания, — положило между нами непроходимую грань. Указывают теперь на признаки эволюции в кадетских рядах, на разрыв с революцией. Да, некоторые национальные струи пробиваются сквозь характерный кадетский космополитизм. Но мы не знаем, естественная ли это эволюция или тактический прием. (*Возгласы: "Браво"*) Против соглашения с кадетами говорит еще одно обстоятельство: их малая заинтересованность в продуктивности думской работы. Кадеты в Думе не работают, а если работают, то с агитационными целями»²⁰. В то же время Гучков решительно отвергал возможность соглашения с правыми и национальными фракциями.

Несмотря на явную слабость и рыхлость «Союза 17 октября», его лидеры не скрывали властных амбиций и стремления перейти к частичному парламентскому контролю и управлению. Особую активность они проявляли в вопросах, связанных с обороной и Церковью: покушения на прерогативы императорской власти позволяли демонстрировать избирателям свою независимость и создавали условия для политического торга с правительством. В борьбе вокруг ст. 96 Основных государственных законов, очерчивавшей прерогативы императора в отношении армии, верховная власть формально одержала победу, но октябристы стяжали репутацию независимой политической силы и укрепили неформальные отношения с военными. Вопрос о церковно-приходских школах привел к конфликту по поводу трактовки ст. 65 Основных законов.

Поэтому хотя Столыпин и выражал уверенность в возможности компромисса с октябристами, но к 1910 г. он видел в них не опору, а инструмент реформирования страны и объект собственной политики. Действия октябристов уже в начале 1910 г. привели к частичной потере ими инициативы, активизации в Думе правого и левого крыла, кризису центра. Между тем приближавшиеся выборы подталкивали «Союз 17 октября» к установлению более тесных отношений с правительством и одновременно — к завоеванию авторитета в глазах избирателей. Естественными конкурентами октябристов выступали кадеты и националисты.

Партия русских националистов (Всероссийский национальный союз — ВНС) формировалась под новый правительственный курс. Ее членов отличали государственничество, впрочем, достаточно размытое, и национализм, их экономическая программа предусматривала поддержку крестьянства и российской промышленности. Столыпин считал ВНС «своим созданием»²¹, однако его роль в организации партии весной—летом 1908 г. была важной, но не определяющей²². 29 января 1909 г., уже после первых тренировок правительства с октябристами, председатель ВНС член Государственного совета С.В. Рухлов был назначен министром путей сообщения. В октябре думская национальная группа объединилась с умеренно-правыми, которыми руководил П.Н. Балашов, во фракцию русских националистов (в январе 1910 г. последовало слияние обеих партийных организаций). Фракция националистов насчитывала теперь 78 депутатов (17,6% от общего числа), будучи по численности второй после октябристов. По своему составу националисты были даже демократичнее октябристов. Если во фракции «Союза 17 октября» в начале работы III Думы крестьяне составляли всего 10% (дворян было 58%), то у умеренно-правых и националистов их насчитывалось в совокупности — 40%. 28% всех депутатов-крестьян входили в состав именно этих групп, и после их объединения среди русских националистов было больше крестьян, чем в любой другой думской фракции²³.

Однако партия была слишком рыхлой. Ведущий публицист влиятельнейшей газеты «Новое время» М.О. Меньшиков, известный своими националистическими взглядами, скептически оценивал ее возможности, надеясь лишь на «нечто в роде национально-либеральной партии» в будущем²⁴. Л.А. Тихомиров отмечал, что националистам необходимо прояснить свое отношение к вере и самодержавию, иначе их программа останется «октябристской отрыжкой»²⁵. И.И. Колышко казалось, что «партия октябристов 2-го разряда основана не для конкурирования с октябристами, а для помощи им — для парализования влияния крайних правых»: «В этом смысле новая партия сыграет роль салазок, на которых, рано или поздно, А.И. Гучков прокатит Пуришкевича с Марковым»²⁶. Октябристы же весьма ревниво присматривались к националистам. «Нацио-

нализм – это соль, – писал А.В. Бобрищев-Пушкин (один из основных октябристских публицистов – “Громобой”), – без которой вы не возьмете в рот ни одного кушанья. Но разве вы будете есть одну соль?»²⁷.

Националисты полностью полагались на правительственную поддержку. Критикуя октябристов за пустословие, они опасались, что после выборов состав Думы может остаться прежним²⁸. В черновой записке, составленной 20 октября 1910 г., обер-егермейстер И.П. Балашов (дядя П.Н. Балашова) констатировал, что сформировать послушную правительству Думу можно, лишь снова изменив избирательный закон. У октябристов, погрязших в либеральной риторике, по мнению Балашова, не было ни организации, ни программы, ни будущего. Даже Гучков не смог сплотить их и бросил свою партию «в самый для нее тяжелый момент». «Союз 17 октября» должен был расколоться еще в III Думе (например, по национальному вопросу) или на выборах, поскольку для правого избирателя они были слишком левые и наоборот. Балашов предлагал уже готовиться к приему честных октябристов в ВНС²⁹. 16 декабря он составил новую записку, в которой советовал изменить избирательный закон летом 1911 г. Думу следовало сохранить в качестве «единственного противовеса бюрократизму», однако избирать депутатов должно было земство, а возрастной ценз депутата повышался до 40 лет. Президиум рекомендовалось сделать назначаемым. При законодательном конфликте палат последнее слово оставалось бы за монархом. Балашов был убежден, что таким способом удастся сохранить представительный строй, а намеченные им изменения необходимы до тех пор, «пока нынешнее поколение, сбитое с толку нелепыми учениями и слабостью власти, не уступит место поколению более уравновешенному и политически развитому». Сохранение же «худой конституции», напротив, могло привести к революции и установлению деспотизма³⁰. Со своей стороны, националисты всячески выражали свою лояльность власти. Так, они в полном составе проголосовали за снижение ценза в законопроекте о западном земстве³¹. Усердие не осталось незамеченным. 10 декабря 1910 г., ознакомившись с издательской деятельностью Всероссийского национального клуба, Николай II приказал выделить на нее 15 тыс. руб., о чем Столыпин уведомил председателя совета старейшин клуба кн. Б.А. Васильчикова. Сообщение об этом опубликовала газета «Россия», фактически являвшаяся правительственным официозом³².

Для создания прочного большинства в Думе Столыпину нужно было сближение националистов и октябристов. В марте 1910 г. по инициативе главы правительства Гучков был избран председателем Думы, что укрепило думский центр³³. «По свойствам своего характера (лукавство, сдержанность, бретерство) Алекс[андр] Иванович будет скорее держать Думу за шиворот, чем за сердце, – предсказывал Колышко. – Ну, а держа за шиворот, редко внушают жизнерадостность»³⁴. По словам П.Н. Милокова, «передняя нашла своего барина»³⁵. «Руководящая партия получила большой заказ на патриотизм и стремится изо всех сил выполнить его скоро и точно, – иронизировала “Речь”. – Это – вопрос профессионального самолюбия, и вопрос острый, потому что у господствующей партии есть конкуренты. Конкурентами являются националисты». Кадеты ожидали дальнейшего смещения октябристов вправо и уменьшения роли Думы, поскольку при председательстве Гучкова опорой правительства стала «партия 6 августа»³⁶, новая “самодержавно-конституционная” партия г. Шубинского»³⁷.

Однако, как вспоминал позднее Милоков, Гучков затевал собственную «большую игру»³⁸. Он не намеревался отказываться от прежней октябристской политики. Но положение председателя Думы позволяло усилить личные позиции, укрепить неформальные отношения с министрами, установить прямой контакт с императором. Связь со Столыпиным у Гучкова была и без того очень тесной, между ними велась интенсивная переписка, иногда происходило несколько телефонных разговоров в день³⁹. Гучков «был любителем сильных ощущений»⁴⁰. Получив доступ к императору и главе правительства, руководя думским большинством и опираясь на собственную фракцию, он, пожалуй, уже мог считать себя самым влиятельным и незаменимым человеком в империи.

Гучков сильно надеялся на свое обаяние и личные беседы с царем⁴¹. 18 ноября на длившейся более часа аудиенции император был в хорошем настроении, разговор шел о военных делах и Сухомлинове⁴². Гучков «допытался» у царя о впечатлениях от Потсдамского свидания с Вильгельмом II, услышав в ответ, что мир обеспечен еще по крайней мере на 5 лет. Император, как считали правые, вряд ли мог быть доволен назойливостью Гучкова⁴³. Однако 30 ноября аудиенции был удостоен председатель бюджетной комиссии Думы М.М. Алексеенко, что, видимо, было согласовано с Гучковым. Это вызвало даже слухи, что он заменит Коковцова⁴⁴. 20 ноября отчет Гучкова об аудиенции произвел на фракцию октябристов «самое отрадное впечатление». Было решено вторично представиться императору всей фракцией, причем в эту же сессию, поскольку следующая – последняя, предвыборная – будет «не совсем удобна для такого представления»⁴⁵. Однако, когда сказанное на аудиенции дословно прозвучало в печати, Николай II был оскорблен поведением Гучкова⁴⁶. Тем временем, правые заговорили, будто Гучков задумал осуществить военный переворот⁴⁷. 24 ноября В.М. Пуришкевич через дворцового коменданта В.А. Дедюлина передал царю записку с «верноподданническим предупреждением» о подготовке председателем Государственной думы военного заговора⁴⁸.

В Думе уже ходили слухи о скором роспуске⁴⁹. В качестве новогоднего пожелания кн. В.П. Мещерский также посоветовал правительству в 1911 г. пересмотреть учреждение палат⁵⁰. «В стране единственной реальной силой признается только правительство, – передавал общее мнение думцев Л.К. Куманин, заведовавший министерским павильоном Государственной думы, – половинчатый октябризм потерпел уже полное крушение, а эксцессы, правые и левые, одинаково сурово осуждаются страной; таким образом, вся будущая избирательная кампания, как уже с полной очевидностью выяснилось, будет состоять в борьбе двух сторон – блока националистов и правых, с одной стороны, и прогрессивного блока, с другой стороны». По мнению информатора, первые могли уповать на правительственную поддержку, вторые – на привлекательность демагогической программы⁵¹.

Реализуя националистическую программу, Столыпин рассчитывал на расширение социальной базы своей политики. Однако новый правительственный курс не мог устраивать ни правых, осуждавших его либеральную и антисловесную направленность, ни октябристов, для которых крен вправо накануне думских выборов создавал дополнительные проблемы. К началу 1911 г. и тем, и другим предстояло прояснить свое отношение к правительству и его планам.

Позиции Столыпина к 1911 г. были крепки как никогда. Об этом свидетельствовало и назначение новых министров – С.Д. Сазонова и Л.А. Кассо, которые, как тогда говорили, получили свои посты «по телеграфу», без предварительного представления царю⁵². 4 сентября 1910 г. товарищ министра иностранных дел и свояк Столыпина Сазонов стал управляющим МИД, уже 8 ноября его утвердили в должности, а 6 декабря пожаловали в гофмейстеры. Вернувшись из поездки по Сибири, Столыпин согласился на отставку министра народного просвещения А.Н. Шварца, давно уже о ней просившего⁵³. Кассо был рекомендован двоюродным братом Столыпина октябристом бароном А.Ф. Мейендорфом. Столыпин сперва колебался: «Смушает меня очень уж нерусский его вид, – признавался он, – воспитание и, кажется, “внутренний мир”». Кроме того, близкое родство с такими великими интриганами, как Крупенский, тоже заставляет задуматься⁵⁴. Но «смотрины» были назначены, и Лев Аристович произвел благоприятное впечатление. 25 сентября Кассо получил чин действительного статского советника и был назначен управляющим Министерством народного просвещения. Широким кругам он оставался совершенно не известен, и даже Шварц не знал о его намерениях. Витте и Коковцов недоумевали по поводу перемен в правительстве. Глава финансового ведомства видел в произошедшем признак того, «что ныне процветает полное, неприкосновенное самодержавие, но только самодержавие наоборот, что означает, что самодержцем является не Государь император, а его премьер-министр»⁵⁵.

Стержнем внутренней политики к этому времени стал земский вопрос. Правительство стремилось к сотрудничеству с земством и готово было оказать ему материальную поддержку. Тесно связанных с земством октябристов и националистов также не могли не волновать вопросы, затрагивавшие компетенцию местного самоуправления. В январе 1911 г. в Думе обсуждалось состояние петербургской городской канализации, угрожавшее развитием эпидемий в столице. У города не имелось средств на ее ремонт, и правительство предлагало передать канализацию в ведение особой комиссии, подчиненной МВД. 19 января Столыпин даже выступил в Думе по этому вопросу. «Россия», объясняя позицию правительства, доказывала, что, не вторгаясь в дела городского хозяйства, «оно имеет не только право, но и долг выступить на защиту жизни и благосостояния зависимых экономически масс населения, если жизнь и благосостояние этих масс по той или иной причине не охранены органами самоуправления»⁵⁶. Однако для октябристов вопрос о компетенции в этом конкретном случае оказался первостепенным. При голосовании правые и националисты поддержали правительство, но вопрос был решен отрицательно с перевесом всего в 1 голос (при этом против голосовал и Гучков)⁵⁷. «А авторитет власти? – спрашивала “Речь”, гадая, уступит ли Столыпин. – Авторитет власти только выиграет, если общество узнает, что власть, наконец, научилась управлять своими волевыми импульсами»⁵⁸.

Гораздо более важен для главы правительства был вопрос о создании земства в Западном крае⁵⁹. Столыпин придавал этому очень большое личное значение и не сомневался в успехе⁶⁰. Он торопился, желая в 1911 г. создать в западных губерниях выборные земские учреждения, для того чтобы, опираясь на них, продвигать избирательную кампанию националистов в 1912 г. Голосование по национальным куриям должно было парализовать активность польских помещиков. Реакция правых и центра Государственного совета на законопроект была неоднозначной. Демократизация земства и национальные курии не устраивали различные политические силы. «Высшее правительство во времена даже самой мрачной реакции Победоносцева и Плеве в “национальных” вопросах было много либеральнее столыпинского конституционного правительства, – писали в “Русской мысли”. – Оно чувствовало себя достаточно сильным, чтобы не прибегать к укреплению власти такими приемами, как разжигание зоологического “национализма”»⁶¹. Кн. Мещерский приписывал сторонникам проекта намерение «зажечь по всей России пожары международной ненависти под предлогом торжества русской народности»⁶².

Дума одобрила законопроект еще в начале 1910 г., внеся в него ряд поправок (расширила представительство поляков, полностью отстранила от самоуправления иудеев, понизила земельный ценз, придала киевскому и минскому городским самоуправлениям статус уездного земства и т.д.)⁶³. Уже тогда, ссылаясь на то, что Дума пошла на уступки полякам, Тихомиров рекомендовал применить ст. 87 и вернуться к варианту, предложенному правительством⁶⁴. 25 января император по инициативе Столыпина принял депутацию киевского и подольского губернских земских комитетов. Николай II признал, что при существующем порядке работать в земстве «слишком тяжело», и пообещал: «Я сделаю все от меня зависящее для того, чтобы вы получили земство, полезное для вашего края и всей России в желаемом вами смысле»⁶⁵.

Совет приступил к обсуждению законопроекта 28 января. Отношение к нему было весьма неоднозначным, и в Думе считали, что его судьба «крайне сомнительна». Национальные группы и левые выступали против национальных курий. Центр поддерживал их в этом вопросе, но возражал против снижения ценза⁶⁶. Многие правые опасались, что новый закон вызовет обострение национальной розни, либо вообще возражали против создания земства на окраинах⁶⁷. 1 февраля Столыпин отстаивал западное земство в Совете, речь его была «произнесена с необыкновенным подъемом» и даже противникам законопроекта показалась «красивой и убедительной»⁶⁸. Правые Д.И. Пихно и А.С. Стишинский поддержали правительство. Оппонировали И.Э. Олизар (от польского коло), М.М. Ковалевский и Витте. Правый И.А. Зиновьев напомнил, что проект 1898 г., в отличие от столыпинского, не провоцировал межнациональную

рознь. Однако 4 февраля законопроект был принят в первом чтении (103 голоса против 56)⁶⁹. В дальнейшем председатель Государственного совета М.Г. Акимов должен был организовать его одобрение; он передал правой группе просьбу царя голосовать положительно. Первоначально правые готовы были подчиниться⁷⁰. Организатором сопротивления явился П.Н. Дурново, спешно вернувшийся из Берлина, где удалял катаракту⁷¹. Он убедил большинство группы изложить свои возражения в коллективном письме императору⁷². Дурново сам составил его текст, предсказывая в случае утверждения законопроекта неизбежный конфликт с поляками-землевладельцами, охлаждение их интереса к земской деятельности и усиление симпатий к Австро-Венгрии⁷³. Акимов отказался передать письмо, и тогда это сделал В.Ф. Трепов, который доложил Николаю II, что принятая им делегация была «подтасована» Столыпиным, а сам законопроект приведет к засилью в земстве русской революционной интеллигенции⁷⁴. Затем Трепов объехал видных членов Государственного совета и передал им, что император велел голосовать «по совести». Ночью накануне заседания на совещании правых под председательством Трепова было решено голосовать свободно⁷⁵. Был распушен слух, что царь недоволен Акимовым, и вскоре его заменит Витте, а Дурново якобы рассчитывал возглавить Совет министров⁷⁶. 28 февраля императору была представлена записка прибывших из Парижа кн. М.М. Андроникова и С.Ф. Шарапова о перспективах отношений России с Францией и Британией. Столыпинская национальная политика рассматривалась в ней как единственный внутриполитический фактор, ослабляющий связь с западными державами. При этом сообщалось, что во Франции крайне популярен гр. Витте, Коковцов «пользуется всеобщим доверием», Столыпина же «не понимают, несмотря на большую рекламу, какую он себе делает в местной печати, и не любят, так как считают его сторонником сближения России с Германией, в угоду которой он ведет свою окраинную политику»⁷⁷.

4 марта Государственный совет отверг статью законопроекта о выборах по национальным куриям. Против нее голосовали 92 его члена (как левые и поляки, так и правые и центристы), за оказалось всего 68. 37 членов правой группы (П.П. Кобылинский, Стишинский, Пихно) голосовали за курии, против – только 28 (даже их воздержание от голосования дало бы сторонникам правительства перевес)⁷⁸. Итог голосования оказался для Столыпина неожиданным⁷⁹. Узнав о случившемся, он сразу же подал в отставку. Объясняясь с императором, Петр Аркадьевич резко критиковал правых за реакционность и «темные приемы борьбы», заявлял, что не мог бы «опираться на партии, искать поддержки в общественных течениях», и утверждал: «У нас нет парламентаризма, но именно теперь был случай это доказать». Поведение Николая II Столыпин признавал слабым: «Вместо того, чтобы снести Трепову голову, прикрикнуть на них и пробрать, Государь ничего на мои энергичные упреки не ответил, а только плакал и обнимал меня... Ведь должен же он знать, что есть люди, которые неспособны лежать на животе; ведь не может же он не предпочесть смелость и самостоятельность низкопоклонству». Столыпин допускал даже, что царю поведение правой оппозиции «нравится, и он сам им верит». Чувствуя, что ему «больше нет опоры», премьер-министр настаивал на отставке, поскольку «рано или поздно кончилось бы тем же и было бы тогда хуже». Дальнейшая альтернатива была им сформулирована четко: кабинет «реакционный» или «бюрократический под знаменем продолжения прежней политики». Сам Столыпин считал второй вариант более вероятным, в этом случае правительство мог возглавить Коковцов, хотя «Кривошеин продержался бы дольше». «Я сказал Государю, – рассказывал Петр Аркадьевич, – что за 5 лет изучил революцию и знаю, что она теперь разбита и моим жиром можно будет еще лет пять продержаться. А что будет дальше, зависит от этих пяти лет». Заканчивая аудиенцию, Николай II запретил Столыпину говорить об отставке, ссылаясь на отсутствие у него преемника⁸⁰.

«Россия» негодовала по поводу голосования в Государственном совете: «Был отвергнут принцип... что русское государство есть органическое целое, а вовсе не простая совокупность отдельных народностей»⁸¹. «Г[осударственный] совет проявил абсолютную независимость... – иронизировал “Голос Москвы”. – Верхняя палата дей-

ствовала независимо от высших сфер, от правительства, от Г[осударственной] думы, от демократической тенденции и всецело независимо от русских интересов»⁸². В Думе результаты голосования Совета вызвали «чрезвычайно подавленное настроение» у всех фракций, кроме национальных, левых октябристов во главе с Гучковым, кадетов и социалистов⁸³. Вечером 4 марта в Думу пришел слух, будто Столыпин на аудиенции разоблачил интригу Дурново и еще более упрочил свое положение. Однако затем стало известно, что Столыпин подал в отставку⁸⁴. «Голос Москвы» писал о сожалении октябристов и националистов по поводу отставки и старательно опровергал мнение, что отношения с премьером у них в последнее время испортились⁸⁵. Вероятность того, что она будет принята, была очень высока, хотя в высших сферах удаление премьер-министра после конфликта с палатами воспринималось как нежелательный прецедент.

Наиболее вероятным преемником Столыпина практически всеми назывался В.Н. Коковцов⁸⁶. Позднее он утверждал, что не придавал вопросу о западном земстве особого значения⁸⁷. Однако, судя по дневнику гр. С.Д. Шереметева, во время заседания Государственного совета министр финансов всем своим видом явно давал понять, что не сочувствует законопроекту⁸⁸. «Коковцов наделен способностью хорошо взвешивать обстоятельства, сглаживать трения, не доводя до резких конфликтов», – признавал «Голос Москвы». Октябрист М.Я. Капустин уверял, что назначение Коковцова – «большое утешение для нас – центра», а его однопартиец Е.П. Ковалевский заявил: «Мы смогли оценить Коковцова, как редкого работника и человека с широкими государственными взглядами». Левые октябристы легко согласились с тем, что роль Столыпина уже «сыграна»⁸⁹. Один «весьма осведомленный» депутат вспомнил, что Владимир Николаевич был единственным министром, выступившим против репрессий в отношении студентов (как предполагалось, Кассо в новой ситуации вынужден будет вскоре уйти). А.И. Шингарев ожидал, что теперь «не будет национального шовинизма», а «действия г. Коковцова будут больше согласованы с общественным мнением»⁹⁰. Кадеты считали, что Коковцов, познав «силу международных симпатий», во главе Совета министров «постарается, по крайней мере, с внешней стороны, для Европы, усилить конституционную окраску русской государственности»⁹¹. «Речь» отмечала, что Коковцов, во всяком случае, не правее Столыпина⁹². Другим кандидатом в премьеры считался А.В. Кривошеин⁹³. «Московские ведомости» еще ранее характеризовали Коковцова и Кривошеина как наиболее успешных министров⁹⁴. Подводя общий итог, «Русские ведомости» с сожалением констатировали: «Во всех этих предположениях и слухах нет и намека на изменение правительственного курса»⁹⁵. В свою очередь, «Московские ведомости» выражали надежду именно на эту неизменность⁹⁶. Все уже смирились с отставкой Столыпина, когда пошла молва о том, что он возвращается. В «Новом времени» сразу же написали, что Коковцов не может возглавить правительство из-за его узко ведомственных взглядов⁹⁷.

Вмешательство великих князей Александра и Николая Михайловичей и императрицы Марии Федоровны помогло Столыпину одержать верх⁹⁸. Столыпин ранее неоднократно прибегал к помощи Марии Федоровны, что вызывало недовольство царя⁹⁹. После прошения премьера об отставке вдовствующая императрица пребывала «совсем не в духе»¹⁰⁰. Она встречалась со Шварцем и пыталась узнать у него, кто бы мог заменить Столыпина. О Коковцове она отзывалась небрежно: «C'est un чиновник»¹⁰¹. Как сообщали газеты, 10 марта Столыпин имел беседу с «одной высокой особой» в Аничковом дворце, но остался непреклонен. Затем состоялась Высочайшая аудиенция¹⁰². В тот же день Николай II записал в дневнике: «Утром принял Столыпина, кот[орый] в субботу просился уйти; уломал его не без труда остаться»¹⁰³. Но, скорее всего, окончательного решения еще не было. Как узнали газетчики, совещание «высоких особ» в Аничковом дворце длилось несколько часов и закончилось глубокой ночью; Николай II поддерживал Столыпина, но противился изменениям в составе верхней палаты, так как «исконная преданность» правых была очевидна¹⁰⁴. Император был недоволен поведением правых, которое спровоцировало кризис¹⁰⁵, но не ими самими и не их взглядами. Тем не менее он согласился удалить их лидеров из Государственного совета. Вер-

нувшись из Царского Села, Столыпин в телефонном разговоре с Кривошеиным сказал: «Никогда еще Государь не оказывал мне столь милостивого приема»¹⁰⁶. 10 апреля, к Пасхе, Столыпин был награжден орденом св. Александра Невского при Высочайшем рескрипте. «Многосложная деятельность Ваша... – говорилось в нем, – заслужила Вам совершенное мое благоволение»¹⁰⁷.

Председатель Совета министров не верил в возможность вторично провести законопроект о западном земстве через палаты «из-за одного упрямства» Государственного совета и считал необходимым просто поставить его перед фактом. Несмотря на опасения Николая II, Столыпин не верил в то, что это вызовет ухудшение отношений с Думой, поскольку она «будет недовольна только наружно»¹⁰⁸. 11 марта стало окончательно известно о возвращении Столыпина и об увольнении Дурново и Трепова в отпуск до 1 января 1912 г. «Голос Москвы» утверждал теперь, что такой исход был неизбежен: «Кабинет крайне правый... вызвал бы революционный кризис очень быстро. Кабинет левый немыслим. Умеренный же кабинет мыслим в настоящее время только во главе с П.А. Столыпиным»¹⁰⁹. «Кризис закончился огромным, неслыханным триумфом Столыпина», – признавал А.А. Бобринский¹¹⁰. «Это... глупо, – ворчал Тихомиров. – Это полное подчинение Столыпину самого монарха»¹¹¹. «Ну вот и скажите, можно ли служить?» – вопрошал Дурново, отправляясь в отпуск¹¹². На вокзале его провожали все члены Государственного совета, включая Ковалевского¹¹³.

После 4 марта Гучков спешно инициировал повторное проведение законопроекта о западном земстве через Думу. Однако 12 марта неожиданно для думцев последовал роспуск палат на 3 дня, а потом – утверждение законопроекта на основании ст. 87¹¹⁴. Националисты ликовали¹¹⁵. Как и правые октябристы (Шубинский, Н.И. Антонов), они считали действия Столыпина вынужденной мерой¹¹⁶. Националист профессор Т.В. Локоть писал, что Столыпин «пошел против представителей старого олигархическо-бюрократического духа и строя, открыто и определенно объявил себя на стороне нового, – если не строя, то нового государственного принципа, формулируемого как национальное народное представительство»¹¹⁷. Впрочем, уже 20 марта И.П. Балашов видел в трехдневном роспуске ошибку и предлагал Столыпину летом 1911 г. изменить избирательный закон и объединить вокруг себя националистов и правых октябристов накануне назначенных на осень выборов. Ликвидация парламента или отставка Столыпина представлялись ему одинаково ужасными, означая победу «прежнего бюрократического режима» или «парламентаризма»¹¹⁸.

В день роспуска на заседании октябристского бюро было решено голосовать против законопроекта¹¹⁹, однако сами октябристы объясняли это тем, что Гучкова предварительно не поставили в известность о роспуске¹²⁰. «Голос Москвы» призывал заявить «суровый и энергичный протест», но отмечал, что «положение П.А. Столыпина, по-видимому, прочнее, чем когда-нибудь», и выражал надежду на продолжение прежнего курса¹²¹. Глава правительства был «очень удивлен», когда делегация октябристов попыталась протестовать против способа утверждения закона о западном земстве¹²². Именно после этого Гучков подал в отставку¹²³ (27 марта он уехал на Дальний Восток)¹²⁴.

На заседании октябристского ЦК было решено внести спешный запрос о незаконности действий Столыпина, в течение двух дней бурно обсуждался вопрос о сложении октябристами депутатских полномочий¹²⁵. «Голос Москвы» выступал против подобного шага, напоминая, что партия «никогда не была партией мирного сопротивления»¹²⁶. В итоге ЦК отклонил предложение покинуть Думу, но проголосовал за переход в оппозицию, что неизбежно провоцировало раскол фракции (вскоре в ней начался сбор подписей за пересмотр этого решения)¹²⁷. «Имел такую исключительно удачную партию на руках и так глупо профершпилился!» – злорадствовали правые, предвидя, что такая победа лишь осложнит положение премьера в дальнейшем¹²⁸. Кн. Мещерский советовал ему примириться с Дурново¹²⁹. «Столыпину теперь одна дорога – к левым, – рассуждал в дневнике Тихомиров. – А дальше? До чего он дойдет? Видно, все действительно идет к революции 1912 года, и в России нет сил этого избежать». Альтернатива

виделась ему и вовсе безрадостная: «гниение в своем болоте на неопределенно долгое время»¹³⁰. «Нельзя не признать, что лекарства, избранные для преодоления кризиса, гораздо опаснее самой болезни», – писала «Речь», ставя мартовские события в один ряд с переворотом 3 июня 1907 г.¹³¹

Дума вышла из кризиса без председателя, а новому предстояло провести последнюю – предвыборную – сессию. Правые и националисты не желали голосовать за умеренно-правого кн. Волконского и брать на себя ответственность перед выборами. Кадеты и прогрессисты готовы были поддержать его наперекор своим противникам. В сложившихся обстоятельствах единственным реальным кандидатом являлся давний знакомый Столыпина М.В. Родзянко¹³². В ноябре 1910 г. он сменил Гучкова на посту лидера фракции, но 15 марта опять уступил ему эту роль¹³³. Левых октябристов Родзянко не устраивал, и некоторые из них даже предпочитали видеть во главе Думы Волконского¹³⁴. «Неизвестно, кто правее – он или Волконский», – отмечал секретарь думской фракции И.С. Ключев¹³⁵. Левые октябристы пытались уговорить баллотироваться Алексеенко, но он решительно отказался¹³⁶. 22 марта при выдвижении кандидатов за Родзянко было подано 188 голосов, а за Волконского – 124 (остальные набирали по 1–4 голоса). Затем 199 голосами против 123 Михаил Владимирович был избран председателем. Дума поделилась на 2 части по фракции октябристов, только социалисты воздержались¹³⁷. Хотя новый председатель осуждал недавний роспуск палат¹³⁸, «Речь» объявила избрание Родзянко капитуляцией октябристов перед премьером¹³⁹. По мнению «Русских ведомостей», избрание Родзянко свидетельствовало об их желании «вернуть к себе расположение министерства ценой еще новых уступок»¹⁴⁰. Эта репутация ставленника Столыпина заставляла Родзянко проявлять особую щепетильность в отношении прав Думы¹⁴¹.

1 апреля Столыпин произнес речь в Государственном совете. Ссылаясь на европейские примеры, премьер отвергал обвинения в нарушении Основных законов и в «оскорбительном, даже небрежительном отношении правительства к верхней или даже обоим палатам». Одновременно он настаивал на создании земства в Западном крае¹⁴². Однако убедить Совет ему не удалось, его поддержали только 53 члена, а 99 высказались против¹⁴³. 6 апреля Столыпин вновь обратился к Совету. «В ограничении власти бюрократии заключалось все 17 октября, – комментировала его выступление кадетская газета, – а теперь, после бюрократических действий, речь г. премьер-министра ставит в основу жизни новой России старую, чисто бюрократическую теорию»¹⁴⁴. «Голос Москвы» писал о недостаточности и неэффективности запросов как средства борьбы с произволом, считая, что «законодательные палаты должны реальными мерами заставить правительство склониться перед законом»¹⁴⁵. Лишь «Московские ведомости» доказывали правоту Столыпина и необходимость применения ст. 87 для нужд «государственного строительства»¹⁴⁶. 27 апреля Петр Аркадьевич выступил с речью о значении ст. 87 в Думе. Неожиданно для октябристов, благодаря уклонению правых от голосования, более 2/3 депутатов высказались против разъяснений, сделанных председателем Совета министров. Это позволяло Думе на основании ст. 60 Основных законов обратиться через своего председателя непосредственно к императору. Однако октябристы на это не пошли¹⁴⁷. Большинство их старалось избежать полного разрыва с правительством и 7 мая настояло на решении о консолидированном голосовании под угрозой удаления из фракции¹⁴⁸. Кроме того, думцы знали, что в данном случае Николай II будет на стороне Столыпина, а потому его положение представлялось достаточно прочным¹⁴⁹.

Поворот правительственного курса был завершен. Дальнейшего крена вправо не предполагалось. 9 июля Столыпин сделал пометку на письме Тихомирова, призывавшего изменить Основные законы: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»¹⁵⁰. В те же дни Столыпин писал Извольскому в Париж: «Война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию... Главное это то, что с каждым

годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны»¹⁵¹. В августе на выборах в западных земствах значительного успеха добились националисты¹⁵². За 3 дня до покушения Богрова премьер сообщал жене из Киева: «Факт, и несомненный, что нашлись люди, русские, настоящие люди, которые откликнулись и пошли с воодушевлением на работу. Это отрицали и левые, и кр[айние] правые. Меня вела моя вера, а теперь и слепые прозрели»¹⁵³.

Происходило не крушение, а трансформация правительственного курса, его корректировка под влиянием обстоятельств и эволюции взглядов премьера¹⁵⁴. В целом, его положение оставалось достаточно крепким¹⁵⁵. Нет оснований полагать, будто в марте 1911 г. началась затяжная «агония политической смерти» Столыпина¹⁵⁶, и в дальнейшем он лишь сворачивал свои реформаторские планы¹⁵⁷. Опора на националистов обеспечивала подступ к демократизации системы местного самоуправления. Конституционный кризис, несмотря на значительное возбуждение его участников, фактически завершился восстановлением предкризисного состояния: правительство сохраняло политическую инициативу, Государственный совет – самостоятельность, октябристы – условную лояльность. Столыпинский курс в его модифицированном варианте по-прежнему не имел внятной артикулированной альтернативы. Да и противники Столыпина все же не были его антагонистами. А.Н. Наумов, резко критиковавший действия Столыпина весной 1911 г., сетовал в воспоминаниях, что, если бы в марте за Петра Аркадьевича не вступились великие князья и вдовствующая императрица, он ушел бы в отставку, избежал покушения, а потом мог вернуться к государственным делам¹⁵⁸. «Жаль, что его конец – такой. Можно было другим исходом отвратить от него эту опасность и сохранить человека полезного для будущего», – написал в дневнике гр. Шереметев сразу после гибели премьера¹⁵⁹.

Примечания

¹ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 142–163, 192–211; Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 65.

² Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 124.

³ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 288–289; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. Т. 2. М., 2000. С. 407.

⁴ Подробнее см.: Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 287–314.

⁵ Как справедливо указывает А.П. Бородин, «национализм» Столыпина не следует путать с шовинизмом (Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004. С. 118–123).

⁶ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 148.

⁷ Там же. С. 304.

⁸ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 61.

⁹ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... С. 290.

¹⁰ Там же. С. 340.

¹¹ Там же. С. 363.

¹² Столыпин П.А. Переписка. С. 369.

¹³ Тимашев С.И. Кабинет Столыпина: из «Записок» министра торговли и промышленности // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 117–122.

¹⁴ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Т. 1. М., 1993. С. 52.

¹⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903–1919 гг.). Кн. 1. М., 1992. С. 254, 256, 259, 261.

¹⁶ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 345.

¹⁷ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 171.

- ¹⁸ Дякин В.С. Указ. соч. С. 118–122.
- ¹⁹ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 82, 334.
- ²⁰ Там же. С. 83–84.
- ²¹ Шварц А.Н. Моя переписка с Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 42.
- ²² Санькова С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 104–115.
- ²³ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Созыв III. Сессия 1. СПб., 1908. С. 49–311.
- ²⁴ Новое время. 1911. 1 января.
- ²⁵ Тихомиров Л.А. Чего не достает Национальному союзу // Московские ведомости. 1910. 8 апреля.
- ²⁶ Баян-Рославлев [Колышко И.И.] Пыль. Сборник политических статей 1907–1912. М., 1913. С. 108.
- ²⁷ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 326.
- ²⁸ Савенко А. Выборные перспективы // Московские ведомости. 1911. 20 февраля.
- ²⁹ РГИА, ф. 892, оп. 3, д. 169, л. 7–8.
- ³⁰ Там же, л. 3 а–6 б.
- ³¹ Савенко А. О понижении земского ценза // Московские ведомости. 1910. 15 июня.
- ³² П.А.Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 343; Россия. 1910. 22 декабря.
- ³³ Это признавали даже правые (Московские ведомости. 1910. 23 июня).
- ³⁴ Баян-Рославлев [Колышко И.И.] Пыль... С. 145.
- ³⁵ Речь. 1910. 30 октября.
- ³⁶ Имелся в виду закон 6 августа 1905 г. о «булыгинской» законосовещательной Думе.
- ³⁷ Речь. 1910. 7 мая. Н.П. Шубинский был одним из лидеров правых октябристов.
- ³⁸ Милоков П.Н. Большой человек: А.И. Гучков // Последние новости. 1936. 15 февраля.
- ³⁹ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 71–72, 80.
- ⁴⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 843. Кн. В.Н. Шаховской отмечал: «Не было ни одного революционного движения за границей, которое не поехал бы лично изучать Гучков». Имелись в виду боксерское и македонское восстания, а также младотурецкий переворот (Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1953. С. 185).
- ⁴¹ В период III сессии Гучков имел 1 личный доклад, IV сессии – 2 (Государственная дума. Созыв III. Обзор деятельности Государственной думы 3-го созыва. 1907–1912. СПб., 1912. С. 64).
- ⁴² РГИА, ф. 669, оп. 1, д. 3, л. 66–67.
- ⁴³ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1(26). С. 139.
- ⁴⁴ Там же. С. 140.
- ⁴⁵ РГИА, ф. 669, оп. 1, д. 3, л. 66–67.
- ⁴⁶ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 80–82.
- ⁴⁷ Дневник А.А. Бобринского. С. 140.
- ⁴⁸ Ролов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 204–207.
- ⁴⁹ РГИА, ф. 669, оп. 1, д. 3, л. 61–61 об.
- ⁵⁰ Дневник // Гражданин. 1910. № 49–50. С. 13.
- ⁵¹ Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 год // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 74.
- ⁵² Дневник А.А. Бобринского. С. 140. Сам Николай II писал Столыпину: «Итак, за мое отсутствие два министра ушло, Сазонов и неизвестный Кассо займут их места» (Столыпин П.А. Переписка. С. 63).
- ⁵³ Шварц А.Н. Указ. соч. С. 20.
- ⁵⁴ Столыпин П.А. Переписка. С. 620.
- ⁵⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 877–878.
- ⁵⁶ Россия. 1911. 20 января.
- ⁵⁷ Государственная дума. Созыв III. Сессия 4. Стенографические отчеты. Ч. 2. СПб., 1911. Стб. 277.
- ⁵⁸ Что дальше? // Речь. 1911. 22 января.
- ⁵⁹ Столыпин произнес в III Думе 16 речей, причем 3 касались западного земства (вопросов Финляндии и обороны – по 2, правительственной программы в целом, событий 3 июня, приме-

нения ст. 87 Основных законов, аграрной реформы, самоуправления, управления, транспорта, вероисповедного вопроса, дела Азефа – по 1), в Государственном совете – 19, в том числе 4 – по вопросу западного земства (по вопросу аграрной реформы – 5, обороны – 3, самоуправления, Финляндии – по 2, ст. 87, финансов, транспорта – по 1).

⁶⁰ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 386–387.

⁶¹ *Стахович А.* Холмский вопрос // *Русская мысль*. 1911. № 3. II паг., с. 100.

⁶² *Дневник* // *Гражданин*. 1911. № 5. С. 15.

⁶³ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 1171, л. 242.

⁶⁴ Земство в западных губерниях // *Московские ведомости*. 1910. 9 мая.

⁶⁵ Из кулуаров Государственной думы... С. 91–92.

⁶⁶ Там же. С. 84–85.

⁶⁷ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 175.

⁶⁸ Из кулуаров Государственной думы... С. 99.

⁶⁹ Государственный совет. Стенографические отчеты. VI сессия (1910–1911). СПб., 1911. Стб. 791–818, 854–866, 946–955, 980.

⁷⁰ Новое время. 1911. 6 марта.

⁷¹ Из кулуаров Государственной думы... С. 118–119.

⁷² Речь. 1911. 9 марта.

⁷³ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 388.

⁷⁴ Речь. 1911. 9 марта; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 491; *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 388.

⁷⁵ Новое время. 1911. 6 марта; Голос Москвы. 1911. 6 марта.

⁷⁶ Из кулуаров Государственной думы... С. 118–119.

⁷⁷ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 674, л. 1–10 об.

⁷⁸ *Бородин А.П.* Государственный совет России. С. 200–203; *он же*. Столыпин. Реформы во имя России. С. 115.

⁷⁹ Голос Москвы. 1911. 10 марта. См. также: Речь. 1911. 9 марта.

⁸⁰ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 491–492.

⁸¹ Россия. 1911. 9 марта.

⁸² Голос Москвы. 1911. 6 марта.

⁸³ Из кулуаров Государственной думы... С. 118–119; Речь. 1911. 9 марта.

⁸⁴ Из кулуаров Государственной думы... С. 118–120.

⁸⁵ Голос Москвы. 1911. 8 марта.

⁸⁶ Там же; Новое время. 1911. 8 марта.

⁸⁷ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 386–387.

⁸⁸ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5056, л. 43.

⁸⁹ Из кулуаров Государственной думы... С. 120.

⁹⁰ Голос Москвы. 1911. 9 марта.

⁹¹ Из кулуаров Государственной думы... С. 120.

⁹² Речь. 1911. 9 марта.

⁹³ Новое время. 1911. 8 марта; Голос Москвы. 1911. 8 марта.

⁹⁴ *Московские ведомости*. 1911. 1 января.

⁹⁵ *Русские ведомости*. 1911. 10 марта.

⁹⁶ *Московские ведомости*. 1911. 9 марта.

⁹⁷ Новое время. 1911. 10 марта.

⁹⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 881–882. Рассказ Столыпина о роли Марии Федоровны: *Бок М.П.* П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 205–206.

⁹⁹ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // *Вопросы истории*. 1997. № 4. С. 109.

¹⁰⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5056, л. 44 об.

¹⁰¹ *Шварц А.Н.* Указ. соч. С. 68.

¹⁰² Голос Москвы. 1911. 11 марта.

¹⁰³ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 256.

¹⁰⁴ Голос Москвы. 1911. 12 марта.

¹⁰⁵ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 48, л. 73–73 об.

¹⁰⁶ *Кривошеин К.А.* А.В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 117–118.

¹⁰⁷ П.А. Столыпин. Биохроника. С. 355.

¹⁰⁸ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 389–392.

¹⁰⁹ Голос Москвы. 1911. 12 марта.

- ¹¹⁰ Дневник А.А. Бобринского. С. 146.
- ¹¹¹ ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 21, л. 53.
- ¹¹² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5056, л. 47.
- ¹¹³ *Наумов А.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 150.
- ¹¹⁴ Из кулуаров Государственной думы... С. 121, 127.
- ¹¹⁵ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 81.
- ¹¹⁶ Из кулуаров Государственной думы... С. 121–123; Голос Москвы. 1911. 15 марта.
- ¹¹⁷ Голос Москвы. 1911. 20 марта.
- ¹¹⁸ РГИА, ф. 892, оп. 3, д. 322, л. 1–6.
- ¹¹⁹ Там же, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 31–35.
- ¹²⁰ Из кулуаров Государственной думы... С. 127; *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 81.
- ¹²¹ Голос Москвы. 1911. 13 марта.
- ¹²² Там же. 1911. 15 марта.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же. 1911. 25 марта.
- ¹²⁵ РГИА, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 37–38. Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 324–325.
- ¹²⁶ Голос Москвы. 1911. 15 марта.
- ¹²⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 126, 129.
- ¹²⁸ Дневник А.А. Бобринского. С. 147.
- ¹²⁹ Дневник // Гражданин. 1911. № 11. С. 17–18.
- ¹³⁰ ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 21, л. 54–54 об., 59 об.
- ¹³¹ Речь. 1911. 13 марта.
- ¹³² РГИА, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 58 об.
- ¹³³ Голос Москвы. 1911. 15 марта. Правое крыло октябристов еще осенью 1910 г. хотело видеть Родзянко во главе Думы, однако, по словам октябриста Капустина, Родзянко не умел сглаживать противоречия (РГИА, ф. 669, оп. 1, д. 3, л. 63–65 об.).
- ¹³⁴ Из кулуаров Государственной думы... С. 132–133; Голос Москвы. 1911. 23 марта.
- ¹³⁵ РГИА, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 46 об.
- ¹³⁶ Новое время. 1911. 20 марта.
- ¹³⁷ Государственная дума. Созыв III. Сессия 4. Стенографические отчеты. Ч. 3. СПб., 1911. Стб. 1455–1456.
- ¹³⁸ Из кулуаров Государственной думы... С. 136.
- ¹³⁹ Речь. 1911. 23 марта.
- ¹⁴⁰ Русские ведомости. 1911. 24 марта.
- ¹⁴¹ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 83.
- ¹⁴² *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия... С. 341–352.
- ¹⁴³ Государственный совет. VI сессия. Стб. 1860.
- ¹⁴⁴ Возрождение бюрократии // Голос Москвы. 1911. 7 апреля.
- ¹⁴⁵ *Громобой.* Неприемлемость «закона» // Там же. 1911. 9 апреля.
- ¹⁴⁶ Московские ведомости. 1911. 8 мая.
- ¹⁴⁷ Из кулуаров Государственной думы... С. 136–137.
- ¹⁴⁸ Голос Москвы. 1911. 8 мая.
- ¹⁴⁹ Дневник А.А. Бобринского. С. 150.
- ¹⁵⁰ *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. Калуга, 2002. С. 359–366, 348–351.
- ¹⁵¹ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 425–426.
- ¹⁵² Новое время. 1911. 6 августа.
- ¹⁵³ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 613.
- ¹⁵⁴ Свидетельство А.В. Зеньковского о стремлении Столыпина резко расширить правительственную программу (*Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. М., 2002) не находит никакого подтверждения в многочисленных документах, связанных с деятельностью премьера в 1911 г., и, по-видимому, является мистификацией.
- ¹⁵⁵ *Бородин А.П.* Столыпин. Реформы во имя России. С. 198–218.
- ¹⁵⁶ *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 341–349.
- ¹⁵⁷ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 493, 495; *Hosking G.A.* The Russian constitutional experiment. Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973; *Waldron P.* Between two Revolutions: Stolypin and the politics of renewal in Russia. DeKalb, 1998; *Asher A. P.A.* Stolypin. The Search of Stability in the Late Imperial Russia. Stanford, 2001.
- ¹⁵⁸ *Наумов А.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 176.
- ¹⁵⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5056, л. 115.